

Иван Гобзев

ДОМ

Начинается обычно с того, что вдруг, заметив что-то с виду обыкновенное — куст, облако, просвет между домами или вообще что угодно, ты замираешь от странного чувства, как будто оно тебя зовет. Как будто там, в этом кусте, за этим просветом тебя ждет нечто такое, что ты искал всегда, но сам не знаешь что. Нечто, возможно, самое важное. Но ты не понимаешь, что это. И вот ты замираешь и ждешь, тебе кажется, что сейчас произойдет какое-то событие. Но ничего не происходит, и ты уходишь с неприятным чувством потери. Потом ты уже жалеешь: так, когда это еще раз произойдет, я пойду туда и разберусь на месте, в чем дело!

И наступает день, когда тебя снова настигает это чувство в неожиданном месте. И ты уже не проходишь мимо. Ты идешь прямо к нему. Ты идешь, тебя переполняет волнение — нечто приближается! Сейчас, сейчас, еще немного, и оно случится! Ты уже совсем близко, у тебя щемит внутри, ибо ты в самом центре того самого, что касается только тебя и что должно с тобой быть, и о чем ты, сам того не зная, всегда мечтал.

И вот ты стоишь на заброшенной детской площадке в тени огромных старых тополей, тут одиноко и тихо, тут никого нет, но все же железная черепаха как будто хочет что-то тебе сказать.

Но опять ничего не происходит.

Ты стоишь, а волнение проходит, и спустя несколько минут ты видишь, что это самый обычный двор, самая обычная детская площадка и старая черепаха, которую непонятно почему не сдали в металлолом.

•

Со временем ты привыкаешь. Привыкаешь к тому, что ничего не случится, сколько ни жди. Сначала ты каждый раз переживаешь разочарование, потом легкую грусть и в конце концов смиряешься.

И перестаешь искать и ждать эти моменты. И они происходят все реже и реже, пока не исчезают совсем.

Дошло до того, что я уже стал сомневаться — было ли, и, если да, то что именно. Так бы и совсем забыл, если бы не новый случай.

Как-то по делам я оказался в одном здании. Мне следовало ждать, и я встал у окна на втором этаже. Из окна открывался вид на старый дом с облезлым крыльцом, скамейкой у двери, миской для кошки и горшком с какими-то цветами. Выглядело это крайне запущено, так, как будто уже много лет не открывали ту дверь, не накладывали в миску еду и не поливали цветы в горшке. Приглядевшись, я понял, что в горшке никаких цветов и нет.

Дом стоял на очень узкой улочке между глухими заборами с густой растительностью. Ничего примечательного в этом виде не было, если не считать крайней заброшенности и того, что он находился практически в центре города.

Но я все стоял и стоял у окна и не мог оторвать глаз, как будто нечто меня притягивало. И вдруг я вспомнил — это то самое. То самое чувство, которое некогда заставляло меня терять голову от волнения и слоняться по городу в поисках неизвестно чего.

Я, конечно, захотел немедленно спуститься вниз и найти эту улицу и этот дом. Но остановился, вспомнив, каково это. Как будто тебе говорят: «Здесь то, важнее чего для тебя нет, видишь? Иди и бери!» И ты идешь, но ничего взять не можешь, просто потому что ничего нет.

И я отошел от окна и пошел туда, куда мне было нужно по делам.

Спустя несколько месяцев случилось так, что я снова оказался в этом здании. И опять я встал у того же окна и увидел ту же картину — ветхий дом с крыльцом, миской с дождевой водой и горшок с иссохшей землей.

И прошлое волнение повторилось — мне показалось, где-то там что-то меня зовет, я должен быть там. Никогда не было прежде, чтобы одно и то же место дважды заставило меня так сильно тревожиться. И я решил немедленно отправиться туда и рассмотреть все вблизи. Я был уверен, что как только я подойду ближе, наваждение рассеется и ничего чудесного я там не найду.

Сбежав вниз по лестнице, я пошел в обход здания. Нужное место по моим расчетам было ровно с противоположной стороны от входа, через который я заходил. Но я шел и шел, а стена никак не кончалась. Один дом перешел во второй, второй в третий, а четвертый оборвался широкой улицей, но явно не той, что я видел из окна. Во-первых, та была значительно ближе, метрах в тридцати от входа, во-вторых, намного уже и тише.

Я решил обойти с другой стороны, вернулся, миновал здание, в которое ходил по делам, дошел до противоположного угла и повернул. Но и там повторилась та же ситуация — дома сменяли друг друга, словно склеенные, без единого прохода, и в итоге я опять очутился на той самой шумной улице.

Я вернулся обратно в свое здание, поднялся на второй этаж и посмотрел в окно. На этот раз я очень внимательно разглядывал уже не старый дом, а улочку и окрестности. Я даже распахнул ставни и вылез наружу. Улочка уходила в стороны и быстро терялась в зарослях сирени, чубушника и черемухи, и нельзя было понять, куда она выходит. Возможно, никуда — может, заканчивается тупиками или же огибает дом, и вход на территорию с другой его стороны. Что было за домом, я видеть не мог, он закрывал собой обзор.

Я поднялся выше этажом, но и оттуда не было видно пространство за домом. А еще выше, на четвертом этаже, была глухая стена.

Стало очевидно, что искать вход надо со стороны той шумной улицы, куда я уже дважды попадал, обходя дом справа и слева.

Я спустился на улицу и быстрым шагом направился туда, намереваясь покончить с этим, потому что уже слишком много времени занимали мои поиски и я стал раздражаться, что вот взрослый человек, а занимаюсь какой-то чепухой.

Дойдя до той улицы, я двинулся по ней, внимательно заглядывая во все проходы и перегороженные шлагбаумами проезды. Несколько раз я углублялся во дворы, но все они оказывались замкнуты стенами либо высокими заборами.

Пройдя улицу до конца, я повернул обратно и снова зашел в каждый двор, подозревая, что чего-то пропустил. Но куда я ни сошелся, повсюду были стены и заборы. В отчаянии я даже залез на дерево у одной стены и посмотрел, что там с другой стороны. Там был какой-то другой двор, но я не знал, тот ли, в котором я уже был или новый.

Я слез с дерева и обнаружил, что весь в черной краске с его коры — недавно прошел дождь. Терять было нечего, и я полез через стену, засовывая носки ботинок в выемки от выбитых кирпичей и цепляясь за выступы.

С большим трудом я залез наверх, разодрав правую штанину. С той стороны не было ничего подходящего для спуска, и я решил прыгать. Я прыгнул и очень неудачно упал коленями и локтями в густую грязь. Скоро я обнаружил, что уже был в этом дворе и из него вернулся на ту же самую шумную улицу.

Смеркалось, я ужасно устал, был грязен и зол. Пообещав себе больше никогда не возвращаться сюда, я решительно направился домой.

Уснуть я не мог. Мне не давали покоя мысли о том доме. Но теперь меня терзала не его загадка, не это вот волнение, не это чувство иного, а тот факт, что я, пробежав столько часов, так и не смог к нему подобраться.

Это злило — как будто я не смог справиться с элементарной задачей. И ладно, если бы я принял спокойное решение: все, я больше не буду его искать, потому что мне это не нужно! Нет, я бежал отсюда в расстроенных чувствах, почти в истерике, оттого что не смог его найти. Выглядело это так, как будто я постыдно сдался, да еще при этом обижен на кого-то: ах так? Ну и не нужно, сами его ищите!

И я решил, что вернусь туда и продолжу поиски. Но опять этот многочасовой лихорадочный бег вокруг квартала?.. Вдруг мне пришла в голову отличная мысль: я приду в то здание, открою окно и спущусь вниз! Там всего второй этаж, причем не очень высокий, потому что первый до половины окон ушел в землю. Я спрыгну! Уж точно найти выход изнутри будет проще, чем вход снаружи!

Успокоенный этим планом, я довольно быстро заснул.

На следующий день я пришел рано утром и сразу поднялся на второй этаж. Собрался распахнуть раму, но ручки на месте не было. Я стал искать — не лежит ли где рядом, но нет, ее не было.

Тогда я попытался отжать раму пальцами, но это было, конечно, невозможно.

Расстроенный, я прижался лицом к стеклу и посмотрел вниз. Вот это крыльцо, потрескавшаяся деревянная дверь, миска, горшок.

— Молодой человек! Молодой человек! — раздался громкий оклик.

Я быстро обернулся. Передо мной стояли незнакомая женщина и охранник.

— Вот он! — сказала она. — Вчера в окно лез, все вертелся у него. Я ручку выкрутила, как чувствовала, что опять придет!

— Прошу вас немедленно покинуть помещение! — строго сказал охранник.

На улице я понял, что у меня нет другого выхода, кроме как снова начать обход вокруг квартала. Я обошел квартал, на этот раз заглядывая не во все дворы с противоположной стороны моего здания, а выборочно. Я изучал карту в телефоне, но разобраться в ней оказалось сложно — нельзя было понять, что именно на карте соответствует домику и какие проходы куда в действительности ведут — обозначенные дороги вдруг заканчивалась строительным забором или кирпичной стеной.

В конце концов я понял, в чем дело — перепланировка района. Видимо, архитекторы так увлеклись, что замуровали наглухо большой участок земли! Если да, то это могло означать только одно — внутри никто не живет. Иначе как бы эти люди выбирались наружу?

Для меня из этого следовало, что я могу идти домой.

И я пошел. Не с легким сердцем: у меня все равно оставалось такое чувство, что я сдался без боя, что я должен был сделать еще что-то.

Если хочешь пробиться к своей мечте, ты должен приложить все возможные усилия, потому что самое важное не дается просто так! — вот что я думал на самом деле. Но тут же возражал сам себе: а с чего я взял, что это важное? Ведь известно уже, что ничего там нет, что это — всего лишь обман и ты хотел попасть туда только для того, чтобы убедиться в обмане. Так не лучше ли взять ситуацию под контроль и твердо сказать: «Это обман, я знаю это, поэтому не буду пытаться туда попасть, и так все известно»?

Прошло лето, как обычно быстро и почти незаметно, потом затянулась осень, зима засыпала сугробами, и наступила весна. Я уже и забыл совершенно про тот домик, и никакие другие места с тех пор меня не волновали. Я занимался своими делами и жил, как все живут — в ожидании, пока пройдет жизнь.

И вот однажды в первой половине мая я прогуливался по городу около полудня. Ярко светило солнце, небо было чистое и синее, все вокруг желтело от одуванчиков и березовой пыльцы.

Шел я без конкретной цели, а куда ноги идут, и поэтому удивился, когда увидел, куда они меня привели. Я оказался на знакомой улице — одной из тех, что огибала квартал, в глубине которого скрывался тот дом. Я покачал головой, вспомнив с улыбкой, сколько я бегал по ней, высматривая проход! Сейчас мне показалось странным, что я вел себя так глупо и не бросил затею сразу. Это было какое-то сумасшествие...

Размышляя об этом, я заметил в стене, мимо которой проходил, узкую арку, ведущую во дворы. Ее сверху донизу закрывала железная решетка с дверцей, но дверца была открыта. Я удивился, что раньше не заметил этот проход, хотя столько времени ходил вдоль этой стены. Должно быть, подумал я, дело в том, что дверь была закрыта и попасть внутрь я не мог. Но, осмотрев вход, я не нашел никаких следов замка, и, более того, старая ржавая дверца, похоже, застряла в этом положении многие годы назад — я не смог сдвинуть ее с места.

Я зашел и очутился в глухом дворе в окружении высоких темных стен с немытыми окнами и с какими-то техническими сооружениями. Ничего интересного, и я уже собирался уходить, когда заметил проход за углом одного из таких сооружений. Я направился туда и вышел на тенистую улочку между сплошных заборов, плотно засаженных сиренью, чубушником и черемухой. И чем дальше я шел, тем сильнее волновался, потому что все здесь казалось мне знакомым, уже виденным где-то и когда-то, но как будто очень давно и, может, не в этой жизни.

И в самом деле, пройдя еще метров пятьдесят, я увидел тот самый дом. Ошибки быть не могло — вот крыльцо, пустая миска с дождевой водой и горшок с заплесневевшей землей.

Снова меня охватило то самое, почти забытое беспокойство, как будто вот сейчас, вот здесь случится нечто такое, что имеет ко мне отношение большее, чем все, произошедшее до этого, что-то очень важное и настоящее — словно все прежнее было только репетицией или вообще обманом.

И я, оглядевшись, взошел на крыльцо по рассыпавшимся ступеням, вдохнул сырой запах дома и взялся за дверную ручку.

Дверь была заперта и ничуть не поддавалась на мое усилие.

Я подергал ее, но стало ясно, что скорее ручка отвалится, чем дверь откроется.

Я спустился с крыльца и подошел к ближайшему окну в стене справа. Оно было мутным из-за грязи. Я прижал лицо к стеклу, прикрыв его ладонями по сторонам от света, и постарался разглядеть, что за ним. Но ничего не увидел, там было темно. Я обошел всю стену, заглянул во все щели и ничего не нашел. Я стоял у двери, прижавшись к ней ухом и прислушиваясь, и ничего не услышал.

Это было сильное разочарование, хотя я понимал: ничего другого и не могло быть, потому что это всего лишь давно брошенный дом. И все же я не хотел уходить и осмотрел его еще раз. Но ничего здесь не было. Здесь было пусто, и ничего не собиралось случаться, и мое беспокойство не имело основания. Все, что мне оставалось сделать в этой ситуации — это просто уйти.

На всякий я случай прошелся в противоположную сторону тенистой улочки. Но там было все то же — глухие заборы, чубушник, сирень и черемуха, а в конце тупик.

И я ушел.

На следующий день я вернулся. С самого утра, едва проснулся, встал и поехал. У метро я зашел в магазин и купил кошачий корм.

Придя на место, я сразу поднялся на крыльцо, встал на колени и заглянул в замочную скважину. Как я и ожидал, ничего не было видно.

Я снял горшок — он висел на крючке на проводе, натянутом между балками крыльца. Внутри была закаменевшая земля с белой

плесенью. Я полил ее водой из миски и повесил обратно. В миску я насыпал корм. Тут только я заметил, что на березе слева от крыльца прикреплена кормушка для птиц. Она почернела от старости, но все еще была вполне пригодной. Как я мог ее не заметить? И что еще я не заметил и замечу только когда-нибудь потом? Эта мысль про «когда-нибудь потом» напугала меня — как будто я уже сам с собой договорился, что буду приходить сюда снова и снова.

Я пошел к метро и купил в магазине семечки. Потом, подумав, докупил кедровые орехи и фундук — на тот случай, если там белки.

Вернувшись, я насыпал семечки в кормушку, а орехи раскидал вокруг. Сел на крыльцо и стал ждать.

Я надеялся — просто что-нибудь произойдет. Может, прилетят дрозды, или кошка придет, или еще что-нибудь в этом роде. Но ничего не происходило, хотя я ждал долго. И птиц слышно не было, что не удивительно, учитывая, где я находился — на крошечном зеленом островке посреди пыльного и душного мегаполиса.

В какой-то момент я понял, что жую кошачий корм — взял в задумчивости сухарик и положил в рот. Я выплюнул и поднялся. Имеет смысл поискать способ попасть за забор, решил наконец я.

Я снова тщательно обследовал улочку в обе стороны. И хотя забор был таким же старым, как и все здесь, сохранился он хорошо — почти не покосился, держался крепко и плотно. Пару щелок я все же обнаружил, но за ними была густая растительность, не позволяющая что-либо разглядеть. Оставалось одно — я перелез через забор. С той стороны все заросло. Гречиха, малина и лопухи забили сад до такой степени, что не было видно ни дорожек, ни каких-то других признаков человеческого присутствия. Мне стало ясно, что дом оставлен очень давно; тут уже успели вырасти деревья в тех местах, где их явно быть не должно — например, ива впритык к стене.

Я побродил по саду в поисках чего-нибудь, но ничего не нашел. Разве что с этой стороны забора обнаружил еще одну дверь, уже без крыльца, и два окна — одно из них было загорожено ивой. Дверь была заперта, а в окнах ничего, кроме грязи и темноты. Когда стало темнеть, я перелез обратно. Кошачий корм и семечки остались нетронутыми.

Я пошел домой.

С утра я был на месте. Я сразу перемахнул через забор и принялся искать в саду. Не что-то конкретное; просто я подумал — должно же было хоть что-то остаться от прежних хозяев.

Мне удалось обнаружить следы дорожек, клумб и, предположительно, фундамент еще одной постройки. Но все заросло бурьяном, местами по пояс, уж если что-то и осталось, то это, наверно, лежит под многолетним слоем сгнивших сорняков.

Я провозился так час или около того, а потом сел на старую скамью у двери. Заметил я ее только сейчас, хотя она стояла во вполне приметном месте. Возможно, я не обратил на нее внимание, потому что ее заслоняла высокая трава и изогнутые, как змеи, одуванчики. Скамейка простая, грубо сработанная, и без краски, но раз она до сих пор не сгнила, значит, была покрашена когда-то. Теперь она имела темно-серый цвет.

Я сидел на ней и смотрел на бабочек — большую редкость в городской черте. Неплохо, думал я, вот так вот жить в своем доме с садом в центре города. Я достал телефон и включил карту. Место было без каких-то опознавательных знаков, просто прямоугольник территории, даже без номера.

Я уже собирался вставать, чтобы куда-то двигаться, — как заметил нечто под скамейкой. У правой ножки лежала книга черного цвета с вьезшимся в корешок мхом. Я аккуратно поднял ее, она чмокнула, отходя от земли, — под ней обнажилась сырая коричневая почва с встревоженными червями.

Рассмотрев обложку, я понял, что книга раньше не была черной. Почернела она от сырости и плесени. Раскрыв ее, я увидел, что это не печатная книга, а писанная от руки, но страницы были в таком состоянии, что сразу разваливались, а сам текст давно расплылся от влаги. В некоторых местах угадывались следы рисунков, но ничего конкретного разглядеть не получалось. Что это было — может, альбом для рисования, может, дневник, может, еще что, — я так и не понял. В итоге я положил ее на скамейку и перелез обратно через забор, чтобы посмотреть, нет ли еще чего мною не замеченного. Оказавшись на той стороне, я тут только обратил внимание, что кошачьего и птичьего корма нет.

Через несколько месяцев, когда уже наступила осень и по вечерам рано темнело, я впервые увидел кошку, ту самую, которая, видимо, съедала принесенный мной корм. Это было на закате. Я, как обычно, сидел на скамейке и вдруг заметил ее — мелкую и золотистую, неопределенной породы. Она выскочила из зарослей лопухов и исчезла за углом дома. Я встал и пошел за ней, и успел увидеть, как она быстро забирается на иву — ту самую, что загородила собой окно. С кроны она прыгнула в открытую мансардную дверь. Там были и следы балкона, обвалившегося, должно быть, еще очень давно, до того как дерево выросло большим, потому что останков его нигде не было видно.

Я разозлился на себя, что столько времени не замечал эту дверь. Да, она была скрыта кроной и зеленью, которая сейчас поредела, но все же, если бы я был более внимательным, то и заметил бы! И я мог раньше сообразить — ведь очевидно, что всегда в таких домах наверху что-то должно быть: либо окно, либо дверь...

И тут я понял, что на самом деле уже давно планировал залезть на это дерево, однако все откладывал, как будто ожидая чего-то. Но больше ждать было нечего, наступала зима.

Я залез на иву и со второй попытки сумел проникнуть в темный проем без двери. Очутившись внутри, я испытал прилив сильнейшего волнения, от которого задрожали руки и ноги. Но там ничего не было. Пустое сырое помещение под низкими скатами крыши из почерневшей обрезной доски и ржавого, местами дырявого железа, и засыпанный бумагой пол.

Я тщательно исследовал мансарду в поисках спуска вниз, разгребая кипы газет, оберток, страниц из книг, каких-то писем и детских рисунков. В конце концов, нащупав поперечные прорезы в половых досках, я обнаружил что-то вроде люка, но открыть его отсюда никак было нельзя, очевидно, он открывался снизу.

Дальнейшие исследования ничего не дали — повсюду доски с плотно забитыми грязью щелями. Выпачкавшись весь, уже в сумерках я спустился вниз и отправился домой.

На следующий день я приехал на место в восемь утра. У меня с собой был большой нож. Положив еду животным, я сразу залез на мансарду. Замысел был такой — я расчищу щели от грязи и, если и не сумею открыть люк, то хотя бы, пробив стыки между досками, смогу посмотреть, что внизу.

Я принялся за дело и быстро понял, что с люком ничего не получится — острие по всему периметру утыкалось в дерево. Я пытался подцепить люк и поднять, но нож, хотя клинок был толстым, погнулся. Я стал расчищать щели в других местах, но и там меня ждало то же самое — повсюду что-то было под досками, наверно, прочная фанера или нечто в этом роде. Тем не менее, я не сдавался, и бил, и давил, и резал.

Так прошло несколько часов, я сильно вымотался и вспотел, и весь пол был завален кучками вытащенной на свет грязи.

В одной из щелей я обнаружил крошечную деревянную фигурку. Кое-как протерев ее своей майкой, я понял, что это человек. Она была засунута глубоко, будто ее специально здесь спрятали, устроив тайник. Дети любят такие игры, зароят что-нибудь, а потом забывают, где и даже что. И иногда навсегда. Быть может, спустя годы, прогуливаясь по знакомому с детства месту, вдруг вспомнишь: «Так я же где-то здесь спрятал клад!» Но где именно и что за клад, конечно, уже не узнаешь.

Немного отдохнув и просохнув, я продолжил работу.

В итоге нож сломался — у самого основания. Я бросил его в раздражении. Тут мне пришла в голову новая мысль. Вместо того, чтобы ползать по полу, ковыряя грязь в щелях, можно же просто спуститься вниз, разбить окно и залезть внутрь!

Это было так очевидно, что я расхохотался — как я раньше об этом не подумал? Что меня останавливало? Здесь, в заброшенном доме, это не могло считаться взломом! Я потерял столько времени, ища сложные обходные пути...

Я спустился по дереву, перелез через забор, снял горшок и уже собирался ударить им по стеклу, но в последний момент удержался. В горшке зеленел росточек и наливался маленький фиолетовый бутон.

Не зря я поливал эту мертвую землю! Я повесил горшок обратно и огляделся в поисках камня. Неподалеку валялся кусок кирпичи-

ча, я поднял его и бросил в окно, стекло разбилось. Потом отломил ветку от черемухи и расчистил раму от остатков стекла. Теперь я мог беспрепятственно проникнуть в дом.

Внутри было в точности то, что я и ожидал увидеть. Совершенно пустая комната с ободранными обоями и толстым слоем пыли на полу. В одном месте на обоях угадывалось нечто вроде рисунка. Я сложил обратно свисающие лоскуты и получил фигурку улыбающегося человека. Но ничего интересного в ней не было — пять палочек, кружочек и загогулька, вот и весь рисунок.

Все комнаты были доступны, иди куда хочешь. И везде одно и то же — ничего.

Нашел я и потолочный люк; действительно, он был закрыт — на толстый навесной ржавый замок, но открывать его теперь не было смысла.

Обойдя все несколько раз, я вышел в полном разочаровании. И направился к забору — в том ужасном состоянии, которое бывает, когда ты внезапно понимаешь бессмысленность того, что ты делал.

Я уже собрался лезть, когда вспомнил про фигурку на мансарде. Да, наверное, следовало ее забрать — на память о потраченном здесь времени.

Я залез обратно и не увидел ее. Это и неудивительно, учитывая что я просто швырнул ее куда-то, увлеченный расчисткой щелей. Я принялся рыться в кучах пожелтевших бумажек, но фигурка была слишком маленькой, чтобы ее заметить.

До сумерек я разобрал примерно половину помещения, но не нашел. Дальше не имело смысла продолжать, стало слишком мало света, и я отправился домой, ругая себя за то, что сразу не положил фигурку в карман. Впрочем, я понимал: если бы сделал это, то сейчас она не имела бы для меня большой ценности.

Куда она могла деться? Забилась в какую-то щель? Я перебрал все и не нашел. В очередной раз я вернулся на мансарду, прихва-

тив мастерок. Между досок оставалось много невычищенной грязи, работа была трудной и неприятной, но отступать я не хотел — в любой попытке отступления мне виделись признаки слабости. На самом-то деле я понимал, что вовремя и осознано отступить — это наоборот признак силы. Но с этим и была основная проблема: я не мог сделать это ни вовремя, ни осознанно.

И вот я продолжал скрести и вычищать смесь земли, пыли и жирной копоти, и к вечеру второго дня что-то нашел. Но это была не фигурка, это был свет из щели. Сначала я не удивился, я подумал, что просто пробил в одном месте сгнившее перекрытие и вижу теперь последние лучи закатного солнца, падающие через окна дома.

Но солнца не было — все небо закрывала тяжелая предзимняя пелена.

Я снова приложился глазом к щели — свет шел золотистый, какой бывает в разгар лета. Была видна и часть комнаты внизу, точнее ее пол. Доски были чистыми и блестели, как от лака; их пересекала пестрая ковровая дорожка. Мне показалось, что из щели доносятся запахи — теплой скошенной травы и шиповника — и еще какие-то звуки. Я приложился ухом и в самом деле услышал что-то вроде голосов и смеха, но они были очень далеки.

Я слетел вниз, чуть не свалившись с дерева. Залезая в окно, я порезал ладонь об осколок стекла, но не обратил на это внимания. Я метался по комнатам, ища увиденное, и не находил. Немного успокоившись, я примерно определил, где находился сверху, когда обнаружил просвет, и встал под этим местом. Но там ничего не было. Ни света, ни дорожек, ни чистого пола. Только черные грязные доски.

Я поднялся обратно на мансарду и в уже сгустившихся сумерках нашел торчащий из щели мастерок. Но теперь в нее ничего не было видно — кроме тьмы, соразмерной времени года и суток. Это меня неожиданно успокоило, как будто я избавился от необходимости предпринимать что-то непосильное.

•

Следующую неделю я был там и смотрел в щель. Как и в первый раз я видел свет, который пропадал только поздно вечером, словно там заходило солнце или закрывали ставни и двери.

Я видел чистый пол, пеструю дорожку, слышал далекие голоса и смех, чувствовал летние запахи. Я не мог оторваться, как будто ожидая чего-то.

Я уже перестал каждую минуту лазить взад-вперед по иве и бегать по дому в поисках того, что видел сверху, мне стало ясно — внизу ничего нет. И я перестал искать рациональные объяснения увиденному, хотя и не считал себя сумасшедшим. Для себя я решил, что просто есть вещи, которые не нужно пытаться объяснить.

Часто, по нескольку раз в течение дня, мне казалось, что шум внизу нарастает и что вот-вот войдут в комнату. Голоса и смех становились громче, скрипели половицы, но никто не заходил, лишь дуло резко снизу, как бывает, когда в окно врывается порыв ветра, и меня обдавало терпким и сладким запахом шиповника, сена и полуденной жары.

Не должен ли я был и здесь проявить решительность, как тогда, когда разбил окно и влез в дом? Не нужно ли мне принести инструменты, чтобы вскрыть пол? Я не сомневался, что с небольшим ломом легко справлюсь — хотя пол еще крепкий, это был все же не бетон, а всего лишь старое дерево с наверняка проржавевшими гвоздями.

Но я не решался. Что если я это сделаю, свет пропадет, и я ничего не найду, кроме пустой комнаты внизу?

Я перестал ходить туда каждый день. Я чувствовал достаточным уже то, что имею такую возможность, и мне не обязательно постоянно ею пользоваться. Надежду разобраться, что же именно я вижу и как туда попасть, я не потерял, но как бы отложил попытки — до тех пор, пока решение само созреет. Я думал, что спешить мне некуда, нужно лишь ждать.

Однажды я оказался там совершенно случайно. Наступила зима, необычно снежная — с ноября лежал снег, — было морозно и сумрачно. Я шел по своим делам и вдруг заметил, что прохожу мимо квартала, где стоит этот мой дом, а ведь я не заходил туда уже более месяца!

Несмотря на холод, я решил посмотреть, как обстоят дела.

Я прошел знакомой улочкой, мимо сухих ветвей сирени, черемухи и чубушника, перелез через заваленный сугробом забор, провалившись при этом и набрав снега в ботинки, забрался на пострашневшую голую иву и оказался на моей мансарде.

Там было все так же, если не считать лютую стужу, но я хотел глянуть разок. Щель замело — я взял мастерок, но хватило просто дунуть и снег разлетелся. Изнутри ударил луч золотого света, особенно неожиданный сейчас, в середине зимы.

Я приложился лицом к доскам и стал смотреть. Все то же — летняя жаркая комната, блестящие половицы, пестрая дорожка, запах поля и шиповника. Я хотел уже подняться и уйти, как вдруг отчетливо услышал шаги и голоса. Распахнулась дверь, и в комнату ворвались люди. Они ходили, громко говоря и смеясь, там были взрослые и дети. Я не понимал, сколько их — фигуры быстро мелькали. О чем они говорят, я тоже не мог понять, хотя и слышал их достаточно громко.

Страшное волнение охватило меня, и я весь задрожал. Они же сейчас уйдут! И тогда я закричал в щель, так громко, как только мог:

— Я здесь, наверху! Я здесь! Поднимите головы, посмотрите на меня!

Я кричал и кричал, но никто не обращал на меня внимания, они мелькали, словно тени, продолжая болтать и смеяться. Я принялся колотить кулаками по полу, продолжая кричать.

И тут один из них, проходя ровно подо мной, поднял голову и посмотрел вверх. Он смотрел прямо на меня, задумчиво, как будто что-то услышал, но потом просто улыбнулся и ушел.

И я замолчал и перестал кричать. Я словно оцепенел, потому что был уверен, что тот, внизу, — это я.

Первые недели после того, когда я увидел людей внизу, я приходил в дом каждый день и оставался на многие часы. Я еще несколько раз видел их, но всегда мельком и ненадолго. Они заходили, живо, весело перебрасывались словами, что-то делали и уходили, захлопывая дверь, и таяли в отдалении их голоса и смех. В щель задувал ветер, должно быть, через от-

крытое окно внизу, и мне казалось, что я вижу, как развеваются занавески.

Я больше не был уверен в том, что человек, которого я видел, так сильно похож на меня. Слишком быстро они проходили, слишком узка была щель, и они на меня не реагировали, как я ни кричал и ни стучал.

Со временем я стал приходить реже. Раз в два-три дня, потом раз в неделю, а потом и раз в месяц. А к следующей осени я обнаружил, что не был там ни разу за все лето!

Иногда, проходя мимо какого-то места, которое заставляет меня испытывать волнение, я останавливаюсь с неприятным чувством — я вспоминаю тот дом и думаю: не сдался ли я? Быть может, мне следовало проявить еще больше упорства, еще что-то предпринять, а не просто лежать на досках? Может быть, я не дошел совсем чуть-чуть? Но потом я думаю, что ничего больше и не мог сделать.

Конечно, я утешаю себя мыслью, что когда-нибудь, но точно не скоро, я вернусь и еще раз попытаюсь. Если дом не снесут раньше — я видел неподалеку строительную технику.

